

**СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ И
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В РАБОТАХ АМЕРИКАНСКИХ И
АНГЛИЙСКИХ ИСТОРИКОВ**

Я.П. БЕЗЛЕПКИН,

научный сотрудник отдела военной истории и

межгосударственных отношений

Института истории НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

Выступая на одной из научных конференций в России (текст был опубликован), известный английский военный историк Дж. Барбер обратился к роли патриотизма в Великой Отечественной войне. По его мнению, такие вопросы, как соотношение между русским и советским патриотизмом, необходимость использования понятия «Великая Отечественная война», нуждаются в переосмыслении [1, 451].

Взгляды Дж. Барбера не являются новыми для западной историографии. Они уходят своими корнями впервые послевоенные десятилетия. Как известно, уже тогда на Западе и в Советском Союзе существовали разные трактовки событий, происходивших на советско-германском фронте.

В советской историографии события 1941–1945 гг. рассматривались в рамках концепции Великой Отечественной войны, которая в значительной степени опиралась на массовый патриотизм советских людей, на их готовность жертвовать собой ради победы. При этом использовался также термин Вторая мировая война, как в обобщающем значении событий 1941–1945 гг., так и при анализе военных битв за пределами СССР.

В историографии США и Великобритании сложились иные представления о тех же самых событиях, что напрямую отразилось и на терминологии. Стоит напомнить, что сразу после окончания Второй

мировой войны часть нацистских преступников была осуждена военными трибуналами на различные сроки заключения или же казнена за свои злодеяния. Но большое количество бывших нацистских офицеров и генералов получили убежище за рубежом, получив возможность работать с историческим отделом армии США [2]. В годы «холодной войны» их опыт оказался полезным с точки зрения противостояния с Советским Союзом.

Благодаря такому сотрудничеству в западной историографии прочно укоренилось мнение о том, что местное население с радостью приветствовало нацистских агрессоров, пришедших освободить людей от большевистской власти. Впоследствии это было использовано западными историками для принижения роли советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны.

Уже с 1950-х гг. в американской и английской историографии началось активное изучение проблематики советской коллаборации, причины их сотрудничества с оккупационными властями, в том числе на примерах т.н. Русской освободительной народной армии (бригада Каминского), Русской освободительной армии (армия А.А. Власова) и 1-й русской национальной бригады («бригада Гиль-Родионова»). На начальном этапе большой вклад в разработку этой проблематики внесли американские исследователи Дж.Фишер «Советская оппозиция Сталину» (1956 г.), А.Даллин «Германское правление в России» (1956 г.), Н.Вакар «Белоруссия: формирование нации» (1956 г.). В работах этих авторов коллаборационисты рассматривались в качестве сознательной оппозиции И.В. Сталину и советской власти в целом или же как «третья сила», которая выступала одновременно и против советской, и против немецкой власти. При этом в центре исследования Н.Вакара была национально-этническая сторона коллаборации. Американский учёный считал, что сотрудничество местных жителей с немцами было связано с идеями национального возрождения белорусов, а административные кадры для этого из эмигрантов белорусского происхождения были заранее подготовлены в Германии.

А. Даллин, Дж. Фишер и Н. Вакар изучали проблематику советской коллаборации преимущественно в контексте политической истории. Одна из причин – само время, когда были опубликованы эти работы. «Холодная война» не просто «подсказывала» темы, она сформировала тот теоретико-методологический фундамент, на котором строились исследования, проходили научные дискуссии. Неслучайно тема патриотизма оказалась размыта между советским патриотизмом с его яростным сопротивлением нацистским оккупантам и своеобразным «патриотизмом» т.н. нерядовых советских коллаборационистов, которые лелеяли надежду занять более высокое положение после свержения советской власти или добиться независимости от Москвы. Становится понятным, почему А. Даллин назвал главу о коллаборации «Политическая война», а Дж. Фишер дал своей работе симптоматичное название «Советская оппозиция Сталину...».

Стоит отметить, что работа Дж. Фишера «Советская оппозиция Сталину...» в своё время была недооценена советскими исследователями по причине её явной антисоветской направленности. Сегодня, когда есть возможность проанализировать значительное количество англоязычной литературы по этой проблематике за 1945–2012 гг., мы можем отметить, что автор первым в историографии США и Великобритании основательно подошёл к изучению причин зарождения «антисталинской оппозиции», разделив её на сознательных политических оппозиционеров и тех, кто случайно по воле военного случая оказался в антисоветских военных формированиях. Опираясь на источники различного происхождения (документальные немецкие материалы, эмигрантскую литературу, устные свидетельства эмигрантов старой и новой волны, материалы трибуналов над нацистскими военными преступниками, американскую, французскую, немецкую, советскую периодику 1940–1950 гг.), автор пришёл к выводу, что инициатива сотрудничества с немцами исходила от эмигрантов, которые покинули Россию после 1917 г., а в случае Беларуси и Украины – интеллигенции с территорий, удерживаемых Польшей до 1939 г. [3, 160].

Стоит напомнить, что далеко не все эмигранты, находясь вдали от Родины, пошли на сотрудничество с нацистами. Например, философ Н.А. Бердяев в своей статье «Роковой час европейской истории» писал о том, что неверно отождествлять нацизм и коммунизм [4, 19]. Нейтральные оценки о международном положении накануне Второй мировой войны высказывал бывший министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков, не стремившийся представить СССР в негативном свете [4, 21]. Впрочем, это мало что меняло. Для многих эмигрантов советская Россия казалась не меньшей угрозой, чем гитлеровская Германия. В этой связи любопытно высказывание Дж. Фишера о том, что «выходцы с Советского Союза первоначально не заявляли о сепаратизме и русофобии» [3, 160]. Если это действительно так, значит до определённого момента в эмигрантских кругах сохранялось нейтральное отношение по поводу того, к чьей стороне примкнут в неминуемом военном столкновении.

Подавляющее большинство американских и английских историков при попытке разобраться в истоках такого явления, как советский коллаборационизм, обращают внимание в первую очередь на режим политической власти, существовавший в СССР в 1930–1940-х гг., называя это главной причиной для сотрудничества с нацистскими оккупантами. В таком случае все деятели «белого движения» должны были бы стоять на ярых антисоветских позициях, желая большевистской власти России поражения. Однако этого не наблюдалось.

На наш взгляд, вопрос сотрудничества с нацистами лежал, скорее, в области морали и неудовлетворённости конкретных людей своим положением. Можно вспомнить разные судьбы двух советских генералов – Власова и Карбышева. Первый принял предложение о сотрудничестве, возглавил Русскую освободительную армию, но в конце концов был схвачен и казнён за предательство. Второй, генерал Карбышев, счёл немецкое предложение неприемлемым для человека, давшего военную присягу, чем подписал себе смертный приговор.

Хорошо показан фактор личности в опубликованной в 1982 г. в США работе американского юриста Дж. Лофтуса «Секрет бригады «Беларусь» [5]. В ней рассказывается о деятельности немецких властей по вербовке белорусских эмигрантов в школы абвера задолго до начала войны. Американский автор также подробно проанализировал факты сотрудничества таких белорусских национальных деятелей, как Р.Островский, Э.Ясюк, Ст. Станкевич, Ф.Кушель и некоторых других, с немецкой гражданской администрацией, а также роль белорусских коллаборационистов в массовых убийствах мирного населения на территории Беларуси в годы войны, их пропагандистскую работу по привлечению мирного населения к сотрудничеству с оккупационными властями, а также послевоенную жизнь в США под охраной ЦРУ.

Видеть в сотрудничестве с нацистскими оккупантами только предательство или активную жизненную позицию по меньшей мере наивно. Существовало много различных причин, по которым люди шли на службу к нацистам. В работе американского историка М.Дина «Коллаборация в холокосте. Преступления местной полиции в Беларуси и Украине, 1941–44» – [6] главными названы материально-бытовые расчёты и месть со стороны репрессированных. В этом контексте автором приведены воспоминания, что в посёлке Мир в начале войны в полицию никого не загоняли силой. Однако выводы, основанные лишь на воспоминаниях, не могут претендовать на научность. Например, можно найти воспоминания с противоположными свидетельствами. В книге И.Романовой и И.Маховской «Мир: история местечка, которую рассказали его жители» говорится о том, что в полицию людей загоняли силой под угрозой расстрела семьи [7, 111].

Изучая вопрос советского патриотизма, западные историки часто задаются вопросом, а сколько людей в действительности разделяли ценности советской власти и были готовы встать на защиту своей Родины? Подсчитать точное количество, конечно, невозможно. В истории Великой Отечественной войны можно отыскать немало фактов, свиде-

тельствующих о беззаветной преданности своей Родине, о готовности пожертвовать ради блага страны.

Для исследователей партизанского движения на территории Беларуси в 1941–1944 гг. хрестоматийными стали такие примеры, как жизнь и подвиг Героя Советского Союза, одного из первых командиров партизанского отряда Василия Коржа, который возглавил борьбу против врага на Пинщине, на своей малой Родине, десятков и сотен рядовых белорусов, которые целыми семьями становились подпольщиками, уходили в партизанские отряды и приближали победу над врагом. Неслучайно возникло выражение «партизанская республика». Мало кто знает, что этот термин в отношении партизанских зон на оккупированной территории Беларуси употребил в своей монографии известный американский архивист Т.Маллиган [8, 142].

Некоторые зарубежные авторы идут по другому пути. Например, авторы работы «Гитлеровские белорусы: коллаборация, уничтожение и антипартизанские действия в Беларуси, 1941–1944» А.Муноз и О.Романько считают, что «на протяжении Второй мировой войны в германских вооружённых силах прошли службу 1,3–1,5 миллиона советских граждан. Большинство из них пошло на службу добровольно, остальные – в результате различного рода призывных кампаний» [9, 16]. Вывод не бесспорный, так как не только добровольцы и «призывники» могли оказаться в германской армии. Да и призывные кампании зачастую проводились методами запугиваний и террора.

Стоит привести мнение известного белорусского военного историка А.М. Литвина, в котором отражена сложность и неоднозначность такого явления, как коллаборационизм: «...бывшие участники антисоветских формирований составляли значительное количество партизан Беларуси. Они также внесли большой вклад в активизацию боевой деятельности партизанских формирований» [10, 8]. Это свидетельствует о том, что т.н. добровольные воинские формирования из числа бывших советских военнопленных при удобном случае полностью или частично переходили на сторону партизан. Наиболее яркий пример в исто-

рии Великой Отечественной войны – переход на сторону белорусских партизан большинства состава т.н. 1-й русской национальной бригады В.Гиль-Родионова.

В 1994 г. в университете Мичигана (США) была защищена кандидатская диссертация К.Слепяна «Народные мстители: советские партизаны, сталинистское общество и политика сопротивления, 1941–1944» [11]. Спустя 9 лет этим же автором было опубликовано исследование «Почему они сражались: мотивация, легитимность и советское партизанское движение», подготовленное в рамках гранта Национального совета Евразийских и Восточно-Европейских исследований в Вашингтоне. Эти работы разрушают стереотипы, утвердившиеся в англоязычной историографии США и Великобритании, о мотивации, целях и задачах советских партизан, масштабах их деятельности. Анализируя причины возникновения советского партизанского движения, американский автор пришёл к выводу: «Они не осознали, что партизаны сражались по целому ряду причин и что для многих само присутствие немцев в их стране было достаточной причиной для того, чтобы сражаться» [12, 29].

Схожую мысль на страницах «Журнала славянских военных исследований» недавно высказал американский военный историк Р.Риз, когда отметил, что возможно, самой фундаментальной причиной, почему советские граждане сражались, было то, что их страна была захвачена... Вследствие этого люди смогли оправдать сражение за свои дома, деревни, города, *за саму землю Белоруссии, Украины и России против внешнего захватчика...* (выделено мной – Б.Я.). Невозможно оценить, сколько людей на самом деле думали о своём отношении к государству, но современные работы по социальной истории позволяют утверждать, что многие об этом думали» [13, 268]. Автор пришёл к выводу, что «советский патриотизм был подлинным, но для многих он не отождествлялся с поддержкой сталинской системы...» [13, 282].

История Великой Отечественной войны неразрывно связана с советским патриотизмом. Он проявлялся в разных формах – для одних

в напряжённой работе на заводе по выпуску военной продукции, для других – в партизанских засадах и диверсиях партизан и подпольщиков, для третьих – в сопереживании за судьбу Родины, находясь далеко за её пределами. Таков был их сознательный выбор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Барбер Дж. Роль патриотизма в Великой Отечественной войне // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 447-451.
2. Кодин Е.В. «Гарвардский проект» / Е.В. Кодин; Смолен. гос. пед. ун-т. М.: Росспэн, 2003. 207 с.
3. Fischer G. Soviet opposition to Stalin, a case study in World War II / G. Fischer. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1952. 230 p.
4. Вандалковская М.Г. Вторая мировая война и эмиграция // История и историки: историографический вестник. М., 2010. С. 16-49.
5. Loftus J. The Belarus secret / J. Loftus. New York: Knoff, 1982. 198 p.
6. Dean M. Collaboration in the Holocaust: crimes of the local police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944 / M. Dean. New York: St. Martin's Press, 2000. 241 p.
7. Раманова І.М. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары / І.М. Раманова, І. Махоўская. Вільня: Еўрап. гуманітар. ун-т, 2009. 248 с.
8. Mulligan T. The politics of illusion and empire: German occupation policy in the Soviet Union, 1942–1943 / T. Mulligan. New York: Praeger, 1988. 206 p.
9. Munoz A.J. Hitler's White Russians: collaboration, extermination and anti-partisan warfare in Byelorussia, 1941–1944 / A.J. Munoz, O.V. Romanko. New York: Europa Books, 2003. 512 p.
10. Літвін А.М. Антысавецкія ваенна-паліцэйскія фарміраванні на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны, 1941–1944 гг.: Вытокі. Структура. Дзейнасць: аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук: 07.00.02 / А.М. Літвін; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск, 2000. 37 с.
11. Slepian K. The People's Avengers: Soviet Partisans, Stalinist Society and the Politics of Resistance, 1941–1944. University of Michigan, 1994.
12. Slepian K. Why they fought: motivation, legitimacy and the Soviet partisan movement / K.Slepian. Washington: The Nat. Council for Eurasian a. East Europ. Research, 2003. 31 p.
13. Reese R.R. Why Stalin's Soldiers Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II / R.R. Reese. University Press of Kansas, 2011. 386 p.